

РАЗДВОЕННЫЙ ГЕРОЙ В РАЗДВОЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. *HOMO DUPLEKS* В ОБРАЗЕ МИРА РУССКОЙ ПРОЗЫ 20-Х ГГ. XX ВЕКА

(Un héroe desdoblado en una realidad desdoblada. *Homo duplex*
en la imagen del mundo en la prosa rusa de los años 20 del siglo XX)

Katarzyna Wysoczańska-Pająk
Uniwersytet Opolski (Polska)

Wysoczańska-Pająk, Katarzyna
Universidad de Opole (Polonia)

ISSN: 1698-322X. ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 16.05.2012

Fecha de evaluación: 9.07. 2012

Cuadernos de Rusística Española n° 9 (2013), 123 - 129

ABSTRACT

This article analyses the psychological portrait of the protagonist of the Russian prose of the twenties. Dichotomous nature of the post-revolutionary decade brings the protagonist with split personality. Such a split protagonist is a replica of the contradictory reality after 1917. The conducted analysis allows the author to separate four types of *homo duplex*: split protagonists; double protagonists (antithetical); unimportant people; people-masks. The collected material allows the author to claim that internal split is one of the main features of the post-revolutionary man.

Key words: double, technique of the shaping, Russian literature of the twenties.

РЕЗЮМЕ

Предметом анализа в статье является психологический образ литературного героя прозы послереволюционной декады. Раздвоенный окружающий мир влечёт за собой внутреннюю дихотомию человека. В тексте характеризуются четыре типа двойников: раздвоенные герои, антитетические герои, лишние люди и люди-маски.

Ключевые слова: двойник, техника персонажа, русская литература 20-х гг.

Сложность и необычность многих литературных фактов историко-литературного процесса в послереволюционной России по-прежнему заставляет обращаться к исследовательским проблемам, приближающим общую картину этой эпохи. Одним из основных вопросов является психологический образ литературного героя, сформированного в прозе этого периода. Послереволюционная декада – это эпоха всеобщего расшатывания ценностей и норм, а также дуализма окружающего мира. Двойственный характер художественного мира ведёт к появлению героев с раздвоенной психикой - *homo duplex*. Литературный растерянный человек – это копия антиномной действительности послереволюционной России. Одновременное существование

двух несовместимых этической и общественно-политической систем в новой исторической ситуации часто вызывало внутреннее раздвоение.

Вначале следует заметить, что генезис литературного образа *homo duplex* относится, как подчёркивает большинство литературоведов, к эпохе романтизма. Именно тогда появились произведения с двойником в центре повествования. Жан Поль, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне, Э. По и Р.Л. Стивенсон в своих сочинениях создали богатую галерею внутренне раздвоенных героев. В русской литературе образ двойника появился впервые в рассказах А. Погорельского *Двойник, или мои вечера в Малороссии*. К романтическим двойникам относятся также герои произведений Е.П. Гребёнки *Двойник В. Даля Савелий град, или двойник* Д.Д. Ахшарумова *Двойник* и Н. Гоголя *Нос*. Существенный вклад в развитие темы двойника в русской литературе внёс Ф.М. Достоевский, который перенёс романтическое раздвоение внешнего мира во внутренний мир своих героев. По мнению многих исследователей, психологических двойников можно найти почти в каждом произведении писателя. Проблема дуализма занимала важное место и в творчестве русских модернистов, которые во многом относились к традиции Достоевского. Образ *homo duplex* появляется в *Двойнике* А.Блока, *Чёрных масках* Л. Андреева, *Записках странного человека* В. Свенцицкого, *В зеркале* В. Брюсова, *Чёрном человеке* С. Есенина и многих других произведениях. Для модернистов, так как и для Достоевского, использование в технике персонажа категории двойника, было способом показать всю сложность человеческой психики.

В литературную антропологию раздвоенности русская проза 20-х гг. вносит огромный интерес к психологическому двойнику. Особенно во второй половине данного периода в исследуемой литературе можно найти то, что в истории романа определяется как «обращение к внутреннему миру». Программный асихологизм орнаментализма или теория «живого человека», пропагандируемые теоретиками РАПП, не удовлетворяли потребность как литературы, так и читателей в правдивом портрете человека нового поколения. Односторонние, шаблонные герои не отражали всей сложности периода революции, гражданской войны и послереволюционной жизни. Человек оказался организмом более сложным и предопределённым разными сторонами своей психики и внешними факторами, а не только идеологическим сознанием. С одной стороны, открытие неосознанных сфер психики, а с другой, – социологический анализ общественных ролей (и Юнговская теория личности) открыли перед человеком разного рода угрозы для его самосознания. И опасность внутреннего хаоса, и давление внешних, стандартных образцов поведения влияли на раздвоение личности, слияние которой оставалось невозможным. На развитие психологической прозы в литературном процессе 20-х гг. повлияли концепции и творчество писателей «Перевала», являющиеся в России литературным истолкованием психологии глубины. Эта группировка в большой степени обращалась к психоанализу Зигмунда Фрейда. Анализ произведений, в которых появляется герой с раздвоенной личностью, позволяет сделать некоторые обобщения относительно способов конкретизации психологического *homo duplex*. Общим элементом для всех психологических героев-двойников является их дуальная фрагментация. Семантическое содержание внутренне раздвоенных героев позволяет выделить четыре близких, однако по-разному трактующих двойственность, способов формирования двойника.

1. ГЕРОИ С РАЗДВОЕННОЙ ЛИЧНОСТЬЮ

Первым портретом личности с раздвоенной психикой в русской прозе 20-х гг. был герой романа Евгения Замятина *Мы*. Писатель создал образ человека, полностью подчинённого определённым нормам, запретам и предписаниям. Главный герой Д-503 намеревался стать певцом Единого Государства, однако его записи неумышленно стали хроникой распада личности. Д-503 – это индивидуум, разрываемый противоречиями эгоистических, возбуждаемых натурой влечений и сферой общественной организации, защищающей общественность от разрушительных импульсов единиц. Это близко теории личности Фрейда. (Freud 1982). Конфликт между уровнями сознания Д-503 был настолько большим, что это привело к психическому раздвоению. Целый ряд героев, относимых к категории двойника, создал выдающийся представитель орнаментализма Исаак Бабель в *Конармии*. В произведениях этого цикла можно наблюдать ситуации двойничества – многочисленные острые конфликты и контрасты, неизбежно ведущие к внутренним сомнениям и расщеплению сознания. Способствует им двойное сознание многих героев, сформированное в результате столкновения патриархального и пропагандируемого сознания. Бабель рассудочно понимает жестокость революции и склонен санкционировать насилие, видя в нём средство для полного уничтожения существующего зла.

Похожая оппозиция ума и чувств сильно подчёркивается в творчестве другого орнаменталиста – Бориса Пильняка. Главным противопоставлением в произведениях 20-х гг. этого писателя является соотношение старое – новое. Согласно этой оппозиции Пильняк создал целую галерею героев с внутренним раздвоением. В каждом его произведении представляется образ человека, не умеющего отбросить прошлое и принять настоящее. К таким героям можно отнести Бориса Ордынина из *Голого года*, Милицу и Андрея Ростиславского из *Машин и волков*, профессора Полетику из романа *Волга впадает в Каспийское море*. Героев с такой же сложной психикой можно встретить также в *Двойниках* Пильняка и *В тупике* Викентия Вересаева. Для Пильняка особое значение приобретает чувство этической амбивалентности, ведущее к внутренним сомнениям, особенно в ситуации выбора. А именно в такую ситуацию попали, как и вся интеллектуальная Россия, герои – братья Лачиновы. В описанной в романе антиномии – наука, цивилизация, прогресс и культура – побеждает цивилизация. Невозможно взаимодействие или сосуществование нового строя и старой культуры. Ситуацию двойничества у Пильняка и Вересаева усиливает оппозиция в семье. Острота конфликтов и сложность принятия решений в послереволюционной действительности ярко отражены в рассказе *Сорок первый* Бориса Лавренёва. В данном случае внутреннее раздвоение вызывает конфликт между спонтанной силой чувств и рассудочными истинами идеологических убеждений. Любовь к мужчине и ненависть к представителю враждебного лагеря героиня – Марютка Басова – сконцентрировала на одном человеке. Её психика – это конгломерат противоречивых чувств. Личность фанатичной революционерки соприкасается с лирикой впервые влюблённой женщины. Внутренняя дисциплина оказалась сильнее рождающегося чувства. Перед героиней Лавренёва огромная проблема – конфликт интересов единицы и интересов массы, которую она представляла.

Леонид Леонов причиной внутреннего раздвоения считает противопоставление бурного периода революции и спокойного бездействия в новой жизни. Векшин – герой *Вора* – соединяет в себе две противоположные идеологические позиции. Сегодняшний вор – это вчерашний коммунист. В этом герое сосуществуют элементы добра и зла. Доминирование одного из этих элементов в основном зависит от ситуации, в которой оказывается Векшин. Как пишет Дмитрий Максимов (1975, 170), «осознание своего собственного раздвоения является открытием и отделением потенциально существующего в каждом человеке зла. Следует найти и определить зло, чтобы можно было от него избавиться».

2. УДВОЕННЫЕ, АНТИТЕТИЧЕСКИЕ ГЕРОИ

В середине 20-х гг. проблема людей с раздвоенной личностью стала главной для упомянутого ранее Леонова, который считается летописцем человеческого раздвоения и конфликтов, возникающих из-за противоречия между судьбами единиц и объективными историческими последствиями в результате постоянного столкновения старых и новых общественных сил. В романе *Барсуки* писатель представил пару антитетических героев. Символическая оппозиция братьев с разными судьбами и разными жизненными позициями заметна на фоне столкновения анархии и деревенской отсталости с порядками новой власти. Конфликт антагонистических общественных сил воплотился в оппозиционных героях. Антитетические братья Семён и Павел являются своеобразной альтернативой поведения главного героя и представляют потенциальные варианты одной судьбы. В романе Леонов создаёт двойников двух видов. Первый создан с помощью приёма раздвоения личности. Двойничество героя возникает из столкновения идеала с реальной жизнью. У Семёна такой разрыв вызывает антиномия города и деревни. Второй тип двойника существует по принципу удвоения, дублирования и, как замечает В.В. Лепяхин (1981, 60), может возникать путём формирования антагонистических типов или связанных друг с другом крайних ролей. Антитетичность братьев полнее всего выражается в финальной встрече, представленной по принципу „pro” и „contra”. С похожей техникой создания персонажей сталкиваемся в творчестве Константина Федина. Многие его герои – это отчуждённые личности, гамлеты, втянутые в сплетение противоречивых объективных потребностей. Андрей Старцев из *Города и годы* – это субъективно честный человек, но безвольный, неустойчивый, позволяющий волне событий нести его, ненавидящий любое насилие. Внутреннее раздвоение Старцева вытекает из его жизненной установки, которая связана с осознанием собственных желаний и невозможность их осуществления. Андрей признаёт революцию, но не может принять её методы. Старцев – это интеллигент, разрывающийся между настоящим и прошлым. Его двойником, яркой антитезой и одновременно дополнением, является Курт Ван. Пары удвоенных антитетических героев, представляющие разные варианты судеб одного героя, создали также Юрий Олеша в *Зависти* и Борис Пильняк в *Двойниках*.

3. «ЛИШНИЕ ЛЮДИ»

Послереволюционный «лишний человек» - это герой, проигравший в борьбе с подсознанием, не справившийся с раздвоением, опустившийся на позицию общественного банкрота или карьериста, или всегда им бывший, скрытый под маской честного человека. Пролетарские писатели, склонные к суровым приговорам за отступление от идеи, обычно старались классовой мотивировкой объяснить моральное поражение героев. Чаще всего причиной нравственного падения являлись связи с так называемым кулачеством или всегда подозрительной интеллигенцией (напр., *Бывший герой* Глеба Алексеева и *Преступление Мартына* Вл. Бахметьева). Портреты «лишних людей» можно найти в *Записках обывателя* Дмитрия Фурманова, *Барсуках* и *Воре* Леонова, *Городах и годах* Федина, *Голубых городах* Алексея Толстого, *Каин-кабаке* Лидии Сейфуллиной, *Зависти* Олеси. Идеино-познавательная функция типов «лишних людей» в названных произведениях является довольно синонимической. Дмитрий Векшин в *Воре* – это своеобразное выражение протеста против нового мещанства и одновременно манифестация убеждённости в необходимости сохранения романтического героизма прошлого этапа. Эту проблему затрагивал уже в 1923 году Всеволод Иванов в романе *Голубые пески*. Воплощение «лишнего человека» у многих писателей было результатом их недоверия к НЭПу в общественной жизни и к унифицированным тенденциям в литературной жизни. Они могут также, как и Кавалеров в *Зависти*, выражать перманентную дискуссионную позицию по отношению к упрощениям, обеднению в формировании образов государственных и экономических деятелей типа Бабичева.

4. ЛЮДИ-МАСКИ

Представляя сложную структуру психики человека послереволюционной декады прозаики часто обращались к требуемому РАПП толстовскому методу «срывания масок». Этот приём позволял раскрыть многогранность героя (Скороспелова, 1979). В *Преступлении Мартына* Бахметьева и романе *Девять десятых судьбы* Каверина судьбы главных героев показывают, что человек – это слишком сложное существо, чтобы всё его поведение можно было определить одним образом и подчинить только одной силе. «Классовый инстинкт» и «пролетарское сознание» проигрывает в столкновении с инстинктом самозащиты или подсознанием героев. В *Вирине* Лидии Сейфуллиной срывание масок позволило разоблачить отрицательных героев, происходящих из имущих слоёв общества, а также из провинциальной интеллигенции, «оторванной» от народа.

Русские писатели 20-х гг. не только срывали маски со своих героев, но также их надевали. Общественные условия, новые экономические порядки вызвали у некоторых героев желание приспособиться и удобно устроиться в жизни любой ценой. Эти герои, обычно отрицательные, переживают различного рода метаморфозы. Меняют фамилии, внешний вид, род занятий. Маска, как двойнический приём, с огромным успехом использовалась в сатирической литературе. Она показывала не столько сложность персонажа, сколько настоящий образ героя. В *Рваче*,

Бурной жизни Лазика Ройтшванца Эренбурга, *Ибикусе* Толстого, а особенно в *Двенадцати стульях* Ильфа и Петрова герои испытывают огромные метаморфозы (Котова 1973). Использование масок стало способом сатирического представления ментальности человека в России 20-х гг. Полнее всего этим методом пользовался Михаил Зощенко. В фельетонах, юморесках, коротких рассказах он представил необыкновенно богатую панораму нравов своего времени, констатировал относительную стабилизацию общественной системы, относительно быстро возвращавшейся к равновесию после революционных потрясений. Старые навыки, ритуалы ремесленных, чиновничьих и интеллигентских кругов входят на правах мимикрии в сложный симбиоз с элементами нового порядка. В произведениях Зощенко сосуществуют элементы двух эпох: до- и послереволюционной. Этот писатель отлично передал чувство двусмысленности человека, живущего на границе двух систем. Сатирик не создаёт образы *stricte* двойнические, а только указывает на некоторые внутренние противоречия своих героев. Если Бабель был мастером представления двойного сознания, то Зощенко - портретов с двойной ментальностью. Создаваемые всё время новые общественные ситуации требовали от людей соответствующего поведения, которое не было ещё окончательно отработано. Симбиоз двух миров ведёт к появлению странного конгломерата старого обывателя и настоящего товарища. Ментальный дуализм героев Зощенко прежде всего выражается в их языке. Соединение элементов старого изысканного и чиновничьего языка с пропагандируемыми избитыми фразами в самых обычных жизненных ситуациях создаёт комизм, но одновременно информирует о некоторой внутренней несвязанности и двойственности говорящего.

Подводя итоги, можно утверждать, что русские писатели, создавая образ человека эпохи перелома часто пользовались разнообразными категориями двойника. Многочисленные персонажи с раздвоенной личностью позволяют говорить о некоторой модели героя с похожими психологическими особенностями. Главной чертой является нарушение внутренней гармонии образа. Психическую дисгармонию вызывают различные социологические или психологические факторы. Столкновение двух действительностей, до- и послереволюционной, так сильно отличающихся в области сознания, ментальности, системы ценностей, приводило к внутренним конфликтам героев. Как результат дихотомичной, амбивалентной действительности появился дихотомичный литературный герой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CZERMIŃSKA, M. (1987): *Autobiografia i powieść, czyli pisarz i jego postacie*, Gdańsk.
ЧУДАКОВА, М. (1979): *Поэтика Михаила Зощенко* Москва.
ГАЗИЗОВА, А.А.(1990): *Обыкновенный человек в меняющемся мире*, Москва.
FREUD, Z. (1982): *Psychologia zbiorowości i analiza ego*. В кн.: *Teoria libido i narcyzm*, przeł. S. Kempnerówna i W. Zaniewiecki, Warszawa.
КОТОВА, Ю. (1973): «Тема двойника и её социальные истоки», *Герценовские чтения*, 26, сс. 114-119.

- LEPACHIN, W.W. (1981): «К вопросу о теме двойничества в древнерусской литературе и фольклоре, *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae, Slavistische Mitteilungen*, Szeged.
- MARTUSZEWSKA, A., ŚLAWIŃSKI J. (1983): *Autor, podmiot literacki, bohater*, Warszawa.
- СКОРОСПЕЛОВА, Е.Б. (1979): *Идейно-стилевые течения в русской советской прозе первой половины двадцатых годов*, Москва.
- RANK, O. (1958): *The Double as Immortal Self*. В кн.: Rank O., *Beyond Psychology*, New York.
- ROGERS, R. (1970): *The Double In Literature. The Psychoanalytical Study*, Detroit.